

РОССИЯ В 1916 ГОДУ

СТИВЕН ГРЭМ

Стивен Грэм

Россия в 1916 году

«Автор»

2026

Грэм С.

Россия в 1916 году / С. Грэм — «Автор», 2026

Стивен Грэм — английский путешественник и писатель, один из немногих иностранцев, видевших Россию изнутри в годы Первой мировой войны. В этой книге, написанной по впечатлениям поездок 1914–1916 годов, он проводит читателя от Петрограда до Архангельска, от Кавказских минеральных вод до фронтового госпиталя. Сухой закон и обесценивание рубля, кисловодские нувориши и сёстры милосердия, полемика Горького с Достоевским и слухи о Распутине, картины Нестерова и стихи Хомякова — Грэм пишет о России как сочувствующий наблюдатель, верящий в «Святую Русь» и одновременно беспощадный к её пошлости и меркантильности. Эта книга — живой портрет страны в последний год перед катастрофой 1917-го: ещё империя, ещё с царём, ещё на войне — но уже в предчувствии перемен, которых никто не может толком предсказать.

© Грэм С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Путешествие в Екатеринину	6
Глава II. Тёмная гавань	9
Глава III. Новый Архангельск	13
Глава IV. Стоимость жизни	16
Глава V. Жизнь в деревне	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Стивен Грэм

Россия в 1916 году

Предисловие

Прошлым летом я вернулся в Россию, навестил столько старых друзей, сколько смог, договорился об издании нескольких своих книг на русском языке и, между прочим, много путешествовал, увидел многие стороны современной русской жизни, а также беседовал с самыми разными русскими.

Я отправился в Берген, в Норвегии, оттуда получил место на судне, которое шло вокруг Нордкапа¹ до Вардё² — последнего норвежского порта, — где пересел на русский пароход и отплыл в Екатерину — первый русский порт на Севере, новую русскую гавань, которая никогда не замерзает. Из Екатерининской гавани я отправился в Архангельск, где провёл неделю, а оттуда — в Москву. Я посетил несколько имений в Центральной России, гостил у разных знакомых и друзей, побывал в Ростове-на-Дону, на Кавказе, в Орле, Петрограде и, наконец, вернулся в Англию на возвращавшемся судне с боеприпасами.

Собираясь в Россию, я, конечно, не намеревался публиковать свои впечатления в виде книги, однако меня попросили это сделать, и я признаю важность поддержания связи с нашим союзником день за днём. Сегодня требуется, пожалуй, не столько книг о России — их сейчас вышло великое множество, — сколько дневников или сборников впечатлений, которые позволяли бы народам двух стран чувствовать связь друг с другом в ходе войны.

Я вернулся в Лондон в начале октября 1916 года, и мне было бы приятно думать, что кто-то, вернувшийся в начале января 1917-го, продолжит эту линию ещё одной небольшой книгой такого же рода. И ещё раз — к апрелю 1917 года. Нам нужны такие книги личных впечатлений, и извиняться за них не пришлось бы. Это словно письма между друзьями, объединёнными общим жизненно важным делом.

Чрезвычайно трудно поддерживать связь с Россией, читая лишь газеты. Газеты в целом трудно читать: они сосредоточены на новостной стороне событий и на просторе для сенсаций. Добрая, спокойная корреспонденция имеет свойство теряться среди них. Оттого и эта моя маленькая книга на злобу дня.

Я был в России, когда в 1914 году разразилась война. 1915 год я провёл в Египте, на Балканах, в России и Англии, а лето 1916 года — снова в России. Так что я всё время войны поддерживал связь с русскими. Поэтому я надеюсь, что в нынешнее время, когда нужны дела, а не слова, мой рассказ о положении в стране нашего союзника, России, будет сочтён полезным.

Стивен Грэм

Лондон, 15 января 1917 года.

¹ Нордкап (Nordkapp) — мыс на северном берегу Норвегии, считающийся самой северной точкой Европы. Морской путь вокруг Нордкапа — традиционный маршрут из Атлантики в Баренцево море.

² Вардё — норвежский город и порт на острове в Баренцевом море, вблизи российской границы. Последний норвежский порт на пути к русскому Северу.

Глава I. Путешествие в Екатеринину

Я намеревался отправиться из Ньюкасла в Берген, оттуда — норвежским пароходом до Вардё или Киркенеса, на дальнем северо-восточном пределе Норвегии, а затем ждать какого-нибудь судна, которое доставит меня в Екатерининскую гавань. Мне это удалось, хотя заранее, в Англии, заказать билеты было нельзя.

Я уехал в ту самую ночь, когда поступили первые обманчивые вести о сражении в Северном море.³ Будь те известия верны, это означало бы, что германский флот прорвался и вышел на оперативный простор и что каждое военное судно теперь превратилось в торгового рейдера. Мы рисковали подвергнуться досмотру немцев и, возможно, оказаться в числе всех англичан призывного возраста, взятых в плен. Один британский капитан сказал мне впоследствии: «Мы получили ту первую новость, когда покидали южноамериканский порт с грузом селитры. Мы сразу поняли, что теперь наши шансы благополучно добраться до родного порта следует считать невысокими».

Из-за этого сражения почтовый пароход, который должен был прибыть в Ньюкасл утром, пришёл только к вечеру. Досмотровые офицеры запаздывали, переходя от проверки одного судна к проверке другого — в данном случае «Ранвальд Ярл», которому предстояло отплыть из Ньюкасла той же ночью. Я попал в свою каюту только в час тридцать ночи, а до того провёл несколько часов среди пьяных матросов, одного из которых вырвало на лестнице возле комнаты офицера по делам иностранцев.

Путешествие до Бергена было не из приятных.

Никто не завтракал, никто не обедал, никто не ужинал. Сомневаюсь, что кто-либо испытывал хоть малейшее беспокойство из-за германских крейсеров или блуждающих мин. Были другие заботы.

В Бергене я провёл три дня в гостинице. Новости в норвежских газетах отнюдь не льстили усилиям союзников. Появились объяснения истинного значения сражения в Северном море, однако они скорее походили на попытку придать более приличный вид тому, что на деле было весьма неприятным происшествием. В остальном же немцы, казалось, продвигались вперёд и захватили форт Во.⁴ Единственной компенсацией за всё это стало первое известие о наступлении русских в Галиции.⁵

Я поплыл на север на пароходе «Вестерален» — норвежском почтовом судне, идущем до далёкого Киркенеса. Суда ходят четыре или пять раз в неделю вдоль всего норвежского побережья. Они медлительны, но если время не имеет значения, это путешествие чрезвычайно интересно: безмятежные фьорды и весёлые проливы между гор, настоящие ворота в скалах, через которые порой приходится проходить; множество рыбацких посёлков и траулеров, отягощённых сельдью; хлопотливые женщины с ножами, потрошащие рыбу и опорожняющие бочку за бочкой внутренностей в море; тысячи чаек, вечно кричащих, ныряющих, с визгом гоняю-

³ Сражение в Северном море — Ютландское сражение, крупнейшая морская битва Первой мировой войны, произошедшая 31 мая — 1 июня 1916 года у берегов датского полуострова Ютландия. Первые сообщения о нём в прессе были противоречивыми и обманчивыми: initially казалось, что германский флот прорвал британскую блокаду, хотя стратегически британский флот сохранил господство на море.

⁴ Форт Во — укрепление форта Во (Fort Vaux) под Верденом, один из опорных пунктов французской обороны в Верденской битве. После недели ожесточённых боёв форт пал 7 июня 1916 года; его героическая оборона под командованием майора Рейналя стала символом французского сопротивления.

⁵ Наступление русских в Галиции — Брусиловский прорыв, наступление армий Юго-Западного фронта под командованием генерала А. А. Брусилова, начавшееся 4 июня 1916 года. Крупнейшее и самое успешное наступление русской армии в Первой мировой войне; нанесло тяжелейшее поражение австро-венгерской армии и заставило Германию перебросить силы с Западного фронта, облегчив положение союзников под Верденом.

щихся друг за другом; затем — Лофотенские острова⁶ с их могучими высотами, всё более суровый северный облик природы и человеческих жилищ, пересечение Полярного круга, блистательные ночи с солнцем, всё ещё стоящим на плече неба в полночь.

Я повстречал английского консула — молодого человека, направлявшегося в Вардё по специальному военному заданию. Его сопровождала жена, которая со своей стороны никогда прежде не покидала Англию. На каждой стоянке парохода мы выходили и прогуливались — иногда на десять минут, иногда на час и более, в зависимости от того, сколько груза нужно было выгрузить или принять.

В Хаммерфесте, самом северном городе Европы, на краях улиц всё ещё лежал грязный снег. Дикое место этот Хаммерфест — похоже, сплошь мужчины и ни одной женщины; проезжая часть запружена крепкими моряками. В гавани — целый лес мачт, в городе — вездесущий запах рыбьего жира. Серый и неприглядный порт в июне, каким бы он ни был в другое время.

Многие норвежцы говорили по-английски, правда, с американским акцентом, и были весьма дружелюбны к нам. Мне было также интересно наблюдать их любовь к собственной земле — подлинную привязанность к норвежским скалам. От Бергена и до Нордкапа простираются величественные пейзажи, и в них есть та особенная меланхолия Севера. Если бы в этой земле жили русские, они полюбили бы её за печаль. Но норвежцы любят её суровость и говорят, что дикая и суровая природа их страны сделала их теми, кто они есть. И, полагаю, шотландцы нашли бы здесь величие и возвышенность природы.

За Нордкапом мы вступили в область совершенной пустынности: берег был белой линией снега, море — серым и мёртвым, изредка лишь показывалась чёрная спина морской свиньи.⁷⁷ Ветер был холодным и зимним. Мы знали, что в Вардё не найдём ни цветов, ни растительности.

В Вардё я сошёл с судна, ибо узнал, что оттуда ходят взад и вперёд суда в Россию. Место это важное, и здесь всегда следует держать ухо востро в отношении немцев. Если бы против судоходства в Архангельск началась подводная война, вероятно, нашлось бы попустительство со стороны немцев или нейтралов, обосновавшихся в окрестностях, и, возможно, здесь были бы устроены базы на этом пустынном берегу.

Край этот унылый, подверженный страшным бурям, холоду и снегопадам. Здесь множество серых деревянных причалов и серых рыбацких лодок; почти все дома деревянные, такого же серого цвета, как лодки и причалы, — низкие и приземистые, а грязные улицы широки. Бесчисленные чайки ныряют, пикируют, хлопают крыльями — и пронзительно кричат хором.

Здесь две гостиницы. Одна называется уместно — «Северный полюс», другая — отель «Виннан». Я остановился в последней, и, как ни удивительно, это первоклассный отель с электрическим освещением и телефоном в каждом номере, хотя в городе нет ни одного человека, с которым можно было бы связаться. На стене есть электрическое приспособление для прикуривания: нажимаешь кнопку, диск раскаляется докрасна, и ты зажигаешь сигарету. Полагаю, какой-нибудь подрядчик из Христиании⁸ установил это, добросовестно следуя спецификации, указанной в его тендере. На моих окнах были алые шторы, и всю ночь напролёт полночное солнце лило пунцовый свет на мою белую постель, ветер выл и ревел, а бесчисленные чайки кричали то с одной стороны, то с другой.

На унылом и одиноком кладбище есть русские могилы с наивными резными изображениями Богородицы с Младенцем на православных деревянных крестах. Немало русских моряков и рыбаков погибло с этой стороны своей родины.

⁶ Лофотенские острова — архипелаг у северо-западного побережья Норвегии, известен крутыми горами, глубокими фьордами и традиционным рыболовством (в первую очередь ловом трески).

⁷ Морская свинья — небольшое морское млекопитающее (семейство морских свиней, Phocoenidae), ближайший родственник дельфинов. В русском языке название совпадает с названием грызуна, но в данном контексте речь идёт именно о морском животном.

⁸ Христиания — название Осло до 1925 года (официально — Кристиания). Столица Норвегии.

В городе есть и развлечения: два кинематографа, каждый вечер набитые битком, тир, а также аттракцион «Сбей тётушку Салли»⁹ под названием «Американский спорт». Я сбил одну уродливую физиономию и в награду получил открытку с изображением хорошенькой норвежской девушки, которая собирается поцеловать своего кавалера. Здесь же проводятся собрания общества трезвости с невыносимо ужасной музыкой, и дают объявления о лотереях.

Однажды в порт прибыли на судне из России пятнадцать негров.¹⁰ Они были командой американского корабля «Р——», который доставил боеприпасы в Архангельск, но был в настолько плохом состоянии, что негры отказались вести его обратно, получили свои деньги и сбежали. В Вардэ один из них поссорился с остальными, и теперь, говорят, сошёл с ума. Никто не хотел его принимать, все девушки боялись, а дети швыряли в него камнями. Его поместили в тюрьму.

В Вардэ находится весьма способный русский консул, который чрезвычайно полезен не только своему, но и нашему правительству, оказывая нам всемерную помощь. И русский знает эти окрестности и их особенности лучше, чем англичанин, привезённый из Христиании или Лондона. Через него я узнал, что вскоре отплывает судно в Александровск,¹¹ то есть в гавань Екатерины, и после пятидневного пребывания в Вардэ я отправился в путь.

Снова в море! Через двенадцать часов я был в русском монастыре Печенга,¹² а на следующий день, в сильную метель, добрался до новой гавани.

⁹ «Сбей тётушку Салли» (англ. Aunt Sally) — традиционная английская ярмарочная игра: нужно сбить метанием палок или мячей куклу-мишень, изображающую женскую фигуру. В переносном смысле — мишень для критики.

¹⁰ «Негры» — в оригинальном тексте 1916 года используется слово, принятое в английском языке того времени (англ. negroes). В современном издании сохранено как исторический термин, отражающий лексику эпохи.

¹¹ Александровск — Александровск-на-Мурмане, город и порт, основанный в 1899 году на берегу Екатерининской гавани Кольского залива. В 1931 году переименован в Полярное (ныне — город Полярный Мурманской области). В годы Первой мировой войны служил важной базой снабжения России через северные порты.

¹² Монастырь Печенга — Трифонов Печенгский монастырь, основан в 1533 году преподобным Трифоном Печенгским и долгое время был самым северным православным монастырём в мире. К описываемому времени (1916) монастырь был возрождён после упразднения в 1765 году — восстановление началось в 1886 году.

Глава II. Тёмная гавань

С конца ноября до середины января солнце не поднимается над новой российской гаванью. Всё было бы темно даже в полдень, если бы не снег. Звёзды никогда не заходят. Огни в маленьких деревянных жилищах никогда не гаснут.

Бушуют великие бури, вздымая горные волны на Северном Ледовитом океане. Или полярные туманы поглощают всё вокруг. Снежные бури длятся бесконечно, а мороз может достигать сорока — пятидесяти градусов.

Здесь нет ни города, ни цивилизации. В Александровске нет мостовых, нет главной улицы, нет кинематографа, нет гостиницы, нет даже трактира. Население здесь суровое, мрачное, северное. Никто здесь не имеет никакого представления о большом мире далеко на юге — взоры обращены к Северному полюсу.

Говорят, у этого места великое будущее. Здесь будет могучий город с грохочущим движением, небоскрёбами, театрами, кафе, страстями и грехом. Это будет «Одесса Севера». Валерий Брюсов¹³ предвосхищает такой город в одном из своих фантастических рассказов — «Звёздный», столица Республики Южного Креста, — и, читая, мы задаёмся вопросом: «Неужели так может быть? Неужели такое место когда-нибудь возникнет?»

Как бы то ни было, посреди этой великой разрушительной войны ведётся одна созидательная работа — создание нового порта для России далеко за Полярным кругом. В Англии об этом слышат мало, или же доходят лаконичные сообщения вроде: «От Архангельска построена ветка железной дороги к незамерзающему порту дальше на север, который остаётся открытым благодаря Гольфстриму» — что неточно в отношении маршрута дороги и, более того, создаёт впечатление, будто такую дорогу легко построить, чуть ли не наспех. Но на самом деле это вовсе не пустяковое дело. Чем ближе подбираешься к этому месту, тем больше удивляешься, вспоминая легковесные мнения, которые доводилось слышать на Флит-стрит¹⁴ у себя на родине.

Екатерининская гавань, на которой стоят город Александровск и казармы в Семёновской, — царица среди гаваней, чудесное естественное убежище, отнюдь не временное пристанище. И, как легко убедиться, взглянув на карту, она находится вовсе не близко к Архангельску, и уж тем более не по суше. Никакая железная дорога не могла бы пройти напрямую из Александровска в Архангельск, и никакую дорогу нельзя было бы легко или быстро проложить через тысячу миль тундры.

Те русские, что живут на Севере, в восторге от своего нового порта. Россия обратится лицом к северу: вся Северная Россия будет действовать через Александровск и Архангельск. И действительно, чем дольше длится война, тем лучше для этого северного края в материальном отношении. Если война продлится ещё три года, Россия непременно обзаведётся новым портом и ценной железной дорогой.

Огромное предприятие — попытка проложить железную дорогу по тундре. Многие погибли на этой работе; сотни неизбежно погибнут, прежде чем она увенчается успехом. Инженерная задача была трудной. Русские теперь говорят, что изначально изыскания были проведены плохо и дорогу нужно перепланировать, но в любом случае было чрезвычайно трудно найти путь по мхам и топям, вдоль берегов почти непрерывных озёр, которые лежат между

¹³ Валерий Брюсов (1873–1924) — русский поэт, прозаик и критик, один из основоположников русского символизма. Рассказ «Республика Южного Креста» (написан в 1904–1905 годах, опубликован в сборнике «Земная ось», 1907) описывает Звёздный город — столицу вымышленного государства в Антарктиде, погибающего от эпидемии психической болезни.

¹⁴ Флит-стрит (Fleet Street) — улица в Лондоне, традиционное место расположения редакций крупнейших британских газет; в переносном смысле — британская пресса в целом.

Колой и Кандалакшей. Карта дороги теперь опубликована в Норвегии и Швеции. Её с тем же успехом можно было бы сделать доступной и для английской прессы.

Когда лорд Китченер¹⁵ погиб, в наших газетах напечатали карты его маршрута, будто он направлялся в Александровск (что было не так), чтобы проехать по железной дороге, которой ещё не существовало, до Архангельска! Это вызвало немало смеха в России.

На самом деле дорога идёт от Семёновской через Кольский полуостров к Белому морю у Кандалакши, а затем становится, по сути, прибрежной железной дорогой до маленького порта Кемь. Оттуда идёт хорошая железная дорога на Петрозаводск и Петроград. К Архангельску она не подходит близко. Более того, если создание этой новой гавани и дороги увенчается практическим успехом, Архангельск почти наверняка пострадает и впадёт из нынешнего процветания в былую спячку.

По завершении дорога станет памятным и ценным достижением. На её строительство было затрачено огромное количество труда. Сначала за работу взялись русские артели, но их призвали воевать за родину. Затем подряд получил канадский подрядчик или подрядная компания. Однако присланные рабочие столкнулись с условиями, которые неизбежно было трудно предвидеть заранее. Они подошли к проблеме скорее с коммерческим, нежели с военным духом. А когда они ушли, объём предстоящих работ оказался почти таким же, как и при их прибытии.

Их место в значительной мере заняли австрийские пленные, вызвавшиеся из лагерей для интернированных приехать на работу за плату. Число занятых таким образом оценивается от десяти до двадцати тысяч человек. Их охраняли черкесы — войска с Кавказа, которые, предположительно, также вызвались добровольно, поскольку военная служба для них не была обязательной. Австрийцы работали хорошо и выполнили часть лучших работ на дороге. Но страданий было немало. Сейчас на различных работах заняты десять тысяч китайцев, киргизов и разных монголов.

Летом, если не считать воды под ногами и комаров в воздухе, условия хорошие, но зимой все работают с факелами в темноте. Несмотря на большую предусмотрительность правительства, многие рабочие оказались одеты слишком легко, чтобы выдерживать сильные морозы. Пища, с европейской точки зрения, грубая. Но работа должна продолжаться, должна быть сделана. В этом году, до весны, один паровоз прошёл по всей трассе дороги — только один, — а затем наступила оттепель, и огромные участки полотна сползли, были смыты водой, исчезли.

Говорили, что австрийцы нарочно укладывали шпалы на глыбы льда. Когда началась оттепель, их снесло. Но, по правде говоря, класть их было не на что, кроме льда. Канадцы, работавшие с факелами в темноте, как говорили, не сумели правильно закрепить рельсы с надлежащим балансом на шпалах, и первый же паровоз, прошедший по дороге, разрушительно подействовал на насыпь. Так говорят в Александровске, но, вероятно, ни австрийцы, ни канадцы не были виноваты — просто природу ещё не удалось покорить, хотя в конце зимы и было кажущееся покорение.

Осенью 1915 года Архангельск замёрз неожиданно рано, и суда, не успевшие разгрузиться там, направились в Александровск ждать, пока достроят железную дорогу. Екатерина была запружена судами — можно было почти шагать с одного судна на другое и так перебраться с одного берега гавани на другой. А поскольку не было колец для швартовки, существовала определённая опасность, что при шторме суда разобьются друг о друга. Но, как оказалось, как бы яростно ни бушевала буря снаружи, в этой нетронутой гавани всегда было спокойно.

¹⁵ Лорд Китченер (Гораций Герберт Китченер, 1850–1916) — британский фельдмаршал, военный министр Великобритании в 1914–1916 годах. Погиб 5 июня 1916 года, когда крейсер «Хэмпшир», на котором он направлялся с визитом в Россию, подорвался на германской мине и затонул у Оркнейских островов.

К Рождеству (одна партия прибыла в Рождественский сочельник) прибыли наши броневладельцы, которые теперь так доблестно сражаются под началом великого князя¹⁶ в Закавказье, телеграфисты, возводившие радиостанции, морские лётчики, войска. Военные корабли охраняли гавань. В этом странном арктическом убежище — какое скопление британцев! Они пробыли там всю зиму и считали, что Россия, в которую они прибыли, — самое богом забытое место на свете. Тем не менее они назвали единственную улицу Александровска «Пэлл-Мэлл»¹⁷ и на своих концертах беспрестанно пели какую-то песню о «Лестер-сквер, Лестер-сквер».¹⁸ Можно было подумать, что Лестер-сквер действительно важное место в сознании англичан.

Создаётся впечатление, что это, возможно, та Мекка, к которой обращены помыслы британского солдата. А некоторые русские солдаты, сражающиеся «за то, чтобы водрузить крест на Святую Софию»,¹⁹ имеют смутное представление, слыша пение наших броневладельцев, что, возможно, мы сражаемся за то, чтобы вернуться на Лестер-сквер. Их походные песни — это народные мелодии с национальными словами. Контраст с нашими мюзик-холловыми песенками, завезёнными из Америки.

В английский канун Нового года, который наступает за две недели до той же даты в России,²⁰ команды судов решили отметить приход Нового года празднеством. Русские на берегу мирно спали, а огромные мрачные скалы, сжимающие гавань, безмолвствовали, как могила. Внезапно со всех судов раздались крики, взвились фейерверки и ракеты, песни, выкрики. Русские на берегу проснулись и подумали, что пришли немцы.

Екатерина — это величественное зрелище, прекраснейшее место, хотя и грозное, суровое; это симметричный выход из Ледовитого океана, имеющий форму фляги. В бушующей пелене тумана и снега было достаточно трудно найти горлышко фляги — вход, но, попав внутрь, обретаешь полный покой, даже когда буря бушует в небесах и в воздухе. Тогда в гавани не было значительного числа судов, но на берегу, особенно в Семёновской, жизнь была ключом.

Оборванное русское население: кто в овчинных тулупах, кто в кавказских бурках, кто в котелках, кто в старых защитного цвета шинелях; многие курят трубки — свидетельство английского влияния. Здесь были инженеры в кожаных куртках и с фланелевыми башлыками на головах, рабочие в валенках, множество черкесских войск с винтовками и в оборванных мундирах; люди с бледными суровыми лицами — они, вероятно, представляют собой самый страшный тип русских войск: молчаливые, верные, беспощадно суровые и очень сильные, почти не говорящие по-русски, мусульмане по вере — стражи австрийских пленников.

Когда дорога будет закончена, её конечная станция будет в Семёновской, и это, вероятно, станет названием нового порта. Семёновская — это всё новое, некрашеное дерево. Здесь сотни лачуг и бараков и неопишуемый хаос рабочих, материалов и грязи. Паровозы пыхтят вдоль берега по тому участку железной дороги, который уже действует; по этим паровозам различные агенты и инженеры добираются до места работ, где артели трудятся.

Я встретил там разных странных людей: спекулянта, скупающего земли, одноглазого человека в дымчатых очках, ищущего участок под строительство кинематографа. Восемь тысяч рублей — и можно было бы купить кинематограф со всем оборудованием, включая

¹⁶ Великий князь — Николай Николаевич Младший (1856–1929), внук императора Николая I. Верховный главнокомандующий русской армии в начале Первой мировой войны (1914–1915), после смещения с этого поста императором Николаем II — командующий Кавказским фронтом (с августа 1915 года). Британские броневладельческие части, отправленные в Россию в 1915–1916 годах, действовали в том числе на Кавказском фронте.

¹⁷ Пэлл-Мэлл (Pall Mall) — улица в центре Лондона, ассоциируется с аристократическими клубами.

¹⁸ Лестер-сквер (Leicester Square) — площадь в центре Лондона, район мюзик-холлов и развлечений.

¹⁹ «Водрузить крест на Святую Софию» — отсылка к давней цели России — захвату Константинополя и возвращению храма Святой Софии (превращённого в мечеть после взятия города турками в 1453 году) христианскому миру. В годы Первой мировой войны союзники по Антанте признали право России на Константинополь и проливы (соглашения 1915 года).

²⁰ Англия жила по григорианскому календарю, Россия — по юлианскому; разница в начале XX века составляла 13 дней.

электрическое пианино. «Это обязательно будет успех, — доказывал он, — потому что в долгую чёрную зиму больше некуда будет пойти». Земля вокруг гавани скуплена людьми, которые никогда её не видели — просто ради спекуляции, бича современной русской жизни. И всё время, пока русские крестьяне и рабочие надрываются и умирают, уютные дельцы на юге покупают и продают плоды их будущего труда и страданий.

Что ж, таков порядок вещей, и эти люди уходят, тогда как дело остаётся. Всю осень и, возможно, всю зиму работа продолжается снова в непрерывной темноте, при факелах, под надзором инженеров в мехах и мрачных черкесов. Много будет страданий, хотя и не больше, чем на полях сражений. Многие погибли и погибнут при строительстве и завершении Мурманской железной дороги.²¹ Но дорога останется как мирный памятник — эта новая великая дорога от Петрограда до тёмной гавани.

²¹ Мурманская железная дорога — линия от Петрограда до Мурман (Семёновской / Александровска), строилась в 1915–1916 годах. Протяжённость — около 1050 км. В строительстве участвовали до 170 тысяч человек, в том числе русские рабочие, австрийские и немецкие военнопленные, китайские рабочие и канадские подрядчики. Сквозное движение открыто 3 (16) ноября 1916 года.

Глава III. Новый Архангельск

Когда я в последний раз бывал в Архангельске — шесть лет назад, — это был сонный, безжизненный, исполненный меланхолии порт. Казалось, что он, подобно родственному городу Холмогорам, некогда знавал величие, но дни его славы окончательно миновали. В нём ощущалась меланхолия России, печаль от материальной неудачи — черта, столь характерная для русской души.

Но сегодня! Сегодня прежние видения рассеялись, ритм жизни переменился. Все суда мира находят стоянку в его гавани, а пёстрые толпы заполняют улицы. Всему виной война. За год до войны в архангельский порт зашло пятьдесят судов; за последние двенадцать месяцев — около пяти тысяч. Величественно застыли в гордой осанке большие лайнеры и транспорты, потрёпанные штормами трампы и трёхпалубные речные суда. Их дым и пар образуют купол над Архангельском, когда подходишь к городу с севера.

Здесь есть норвежские и американские суда — с ярко раскрашенными на носу опознавательными знаками, призванными отпугивать подводные лодки; русские и французские — со струящимися трёхцветными флагами; но больше всего — английских судов, с гордо повисшими, омытыми дождём «Юнион Джеками», колышущимися на ветру.

Меня провезли по всей гавани на маленьком, стремительном, словно стрела, паровом катере — с Темзы! Сколько раз он проносился под арками наших маленьких мостов, а теперь пыхтел и задыхался на просторах бурой Двины,²² казавшийся карликом рядом с огромными судами. Им управлял латыш из Риги; катер постоянно испытывал нехватку пара и нередко застывал, обездвиженный, далеко от обоих берегов.

Помимо войск, французы вывозят огромные объёмы спирта — он используется для производства мощных взрывчатых веществ. Я видел множество барж, доверху нагруженных бочками со спиртом, и невольно задавался вопросом, много ли случается протечек. Вероятно, производство спирта в России не сократилось из-за запрета продажи крепких напитков,²³ а, напротив, стало ценным экспортным товаром военного времени. Этот факт особенно важно учитывать, размышляя о российских реформах в области трезвости. Когда война закончится и спрос на этот спирт частично исчезнет, не возникнет ли новое сопротивление со стороны производителей?

Я видел всевозможные ящики с оборудованием, детали самолётов и тому подобное: британские суда выгружали эти грузы. А из России к нам шли зерно, лён и лес.

Зайдите в главный ресторан Архангельска — и, скорее всего, все посетители окажутся английскими капитанами: они листают старые номера Daily Mail²⁴ и говорят о кораблях. В кафе «Париж» есть «капитанский стол», где тоже сидят одни капитаны; официантки спорят, кому выпадет честь их обслуживать, хотя ни одна из них не знает и двух слов по-английски. В Александровском саду можно увидеть английских матросов в компании русских девушек; и ни один из них не может сказать другому ни слова. Их единственный язык — язык взглядов.

²² Северная Двина — крупная судоходная река на Русском Севере, образуется слиянием Сухоны и Юга у Великого Устюга и впадает в Двинскую губу Белого моря. Архангельск расположен в её нижнем течении. До основания Санкт-Петербурга Северная Двина была главной торговой артерией, связывавшей Россию с Европой. Воды реки имеют бурый оттенок из-за торфяных болот в бассейне.

²³ Запрет продажи крепких напитков — «сухой закон», введённый в России в августе 1914 года с началом мобилизации в Первую мировую войну. Изначально задуманный как временная мера, запрет был продлён Николаем II «до окончания военных действий» и касался продажи водки и крепких спиртных напитков. Казённая винная монополия, приносившая около четверти всех доходов бюджета, была остановлена.

²⁴ Daily Mail — британская ежедневная газета, основана в 1896 году Альфредом Хармсвортом. К началу Первой мировой войны — одна из самых тиражных газет Великобритании.

Один из наших показал мне карточку с написанными стихами и нарисованными фиалками и попросил перевести строки и написать ответ. Там было примерно следующее:

Зачем нужны слова, когда и без них ты так красноречива? Зачем губам шевелиться, Когда глаза говорят так хорошо?

Матросы рассказывают удивительные истории о своих победах на любовном фронте, и очевидно, что русские девушки к ним неравнодушны. Даже в театре прямо перед вами могут сидеть такие неожиданные зрители, как кочегар и истопник, и один с раздражением говорит другому: «Ни черта не понимаю. А ты?» Некоторые англичане завели тетради, куда старательно переписывают русские слова и фразы, — непостижимый язык!

В Архангельске всё идёт хорошо. Русские, несмотря на нехватку опыта, умело справляются с огромными объёмами грузов, и все материалы неуклонно поступают туда, где они нужнее всего. Построены новые причалы, вдоль них проложены железнодорожные ветки; некоторые суда, перевозящие грузы весом не менее трёх тонн, выгружают свои гигантские предметы за значительно меньшее время, чем это занимало в Ливерпуле, Данди или Ньюкасле — в зависимости от случая.

Русские портовые рабочие получают невиданные прежде заработки, и слухи об этом манят в город тысячи работников со всех концов России. Журналист, писавший в июле для «Русского слова»,²⁵ назвал это место русским Клондайком. Все, кто приезжает туда, довольны. Порт в своём нынешнем величии — своего рода обещание для России, он льстит её коммерческому будущему.

Меня предупреждали, что в городе не найти ни одной свободной комнаты и что люди платят по пять рублей за ночь лишь за право спать в коридоре. Но мне удалось снять чистую комнату в гостинице «Троицкая» за 2 рубля 75 копеек — совсем недорого. Таблички в номере были напечатаны на двух языках — русском и английском, — что свидетельствовало о большом числе английских гостей.

Я навестил своего друга Александра Александровича Бикова, охотника и торговца тканями, о котором рассказывал в книге «Неизведанная Россия».²⁶ Теперь он открыл обувной магазин и разбогател, продавая товар по три-четыре фунта за пару. Он гордился своим деловым успехом и радовался обрётённой независимости. Теперь он член Городской думы, и когда городу понадобился представитель, чтобы передать эмблему архангельским войскам на фронте, выбор пал на Бикова. Он разделил тяготы вместе с простыми солдатами и был готов остаться на фронте, но оказался вовлечён в великое отступление из Австрии²⁷ и, прежде чем вернуться в родной город и к своему обувному делу, успел пресытиться всем происходящим.

С тех пор как я в прошлый раз был в Архангельске, молодой революционер-изгнанник Алексей Сергеевич, ныне помилованный, женатый и преподающий историю в Москве, выпустил небольшую книжку о Сийском монастыре.²⁸ Позже я встретился с ним в Москве.

²⁵ «Русское слово» — ежедневная газета, издававшаяся в Москве в 1895–1918 годах издателем И. Д. Сытиным. Одно из самых популярных и прогрессивных периодических изданий Российской империи.

²⁶ Неизведанная Россия (англ. Undiscovered Russia) — книга Стивена Грэма, опубликованная в 1912 году в Лондоне. Посвящена путешествиям автора по Русскому Северу и жизни крестьян.

²⁷ Великое отступление из Австрии — отступление русской армии из Галиции (австрийской части фронта) летом-осенью 1915 года, после Горлицкого прорыва германских войск 2 мая 1915 года. Русская армия, страдавшая от острой нехватки снарядов и оружия, оставила Галицию, Польшу и часть Литвы, отойдя на 300–500 км.

²⁸ Сийский монастырь — Антониево-Сийский Свято-Троицкий мужской монастырь, основан в 1520 году преподобным Антонием Сийским на полуострове Михайловского озера в Холмогорском районе Архангельской области. В XVI–XVII веках играл заметную роль в русской истории; в нём находился в ссылке Фёдор Никитич Романов (будущий патриарх Филарет), отец первого царя династии Романовых.

Городская управа пригласила меня выпить стакан чаю по случаю открытия электрического трамвая. Все городские знаменитости разместились на борту специального парохода и медленно проплыли вдоль Соборной пристани примерно милью до новой электростанции. Здесь нас встретили священники с хоругвями, иконами и святой водой. На электростанции был отслужен молебен, и запах ладана странным образом смешивался с запахом свежей краски, машинного масла и техники. Святой водой окропили все углы и даже нас, гостей, а затем запустили динамо-машины — всё вокруг загудело и загрохотало. Полагаю, инженер Репин, гордившийся тем, что построил самый северный трамвай в мире, слегка тревожился, не повредит ли святая вода его машинам.

Но всё обошлось, и мы заняли места в новеньких трамваях, чтобы совершить первую поездку. Вместе с городскими знаменитостями в вагоны набились все нищие, рабочие и оборванные портовые грузчики, кому удалось туда пробраться. В Германии, полагаю, с такими «пассажирами» расправились бы куда быстрее. Но в России «всё дозволено», и мы устроили себе весёлую прогулку. Мы радостно ехали во время этого парадного рейса. Кондукторши в новенькой форме, с блестящими металлическими зажимами и компостерами, стояли с мешочками для денег и полными рулонами билетов. Сразу после нашего проезда к зданию городской управы вагоны открыли для публики, и началась обычная работа — сбор платы за проезд. Вагон за вагоном подходил к остановке, мы выходили и поднимались по каменным ступеням к длинным столам, стаканам чая и торжественным речам архангельских вельмож.

Теперь трамваи работают в полную силу и приносят около тысячи фунтов в неделю. Архангельск стал единым целым, а друзья в городе — ближе друг к другу. Как мне рассказывали, трамваи весь день перевозят пассажиров, а всю ночь — грузы.

Сейчас, когда я пишу об этом зимой, уже вернувшись в Лондон, я представляю, что, вероятно, всё снова сковано льдом. Бурая река стала белой, и уже через сутки по ней можно было проехать на телеге. Она не вскрывалась до самой весны. Капитаны и их экипажи, рассчитывавшие уйти в море через несколько дней и, как всегда, ворчавшие из-за малейших задержек, внезапно оказались обречены на месяцы вынужденного бездействия. Их суда, разбросанные тут и там во льдах, выглядели так, будто движутся в процессии, — словно они отплывают, но никак не могут сдвинуться с места.

Моряки рубили сосновые ветви и прокладывали от судов к берегу целые аллеи — протоптанные дорожки, которым даже давали имена. Была там «Бродвейская аллея», ведущая к большому американскому судну, «Авеню К.» — к судну «К.», «Авеню Р.» — к судну «Р.». Мне не положено упоминать названия британских судов, но эта деталь придаёт картине живописность, достойную упоминания. Российское правительство выплатило владельцам этих судов сотни тысяч рублей в качестве компенсации за неожиданный «набег» Деда Мороза. Для России это было крайне невыгодно, но все старались извлечь из ситуации максимум, и никто не роптал.

Счастливое сотрудничество русских и англичан особенно ярко проявляется в Архангельске. Русские и англичане симпатизируют друг другу и прекрасно ладят в этом городе, хотя души простого народа столь различны, а русские обычаи так не похожи на наши.

Глава IV. Стоимость жизни

Каждый раз, возвращаясь в Москву, я замечаю перемены. В прошлом году, после беспорядков,²⁹ это был город с разбитыми окнами и более или менее опустевшими улицами. Нынешним летом я увидел, что жизнь кое-как залатана, а окна по большей части починены. Людей стало больше; у торгового сословия наблюдалось своеобразное процветание. Все говорили о дороговизне, и при этом у всех находилось больше денег, чтобы покупать. И все магазины процветали.

Во многих магазинах с немецкими названиями теперь вывешены объявления о том, что владельцы — русские. Впрочем, те немецкие магазины, что были разгромлены в июле 1914 года, так и не восстановились. Эйнем,³⁰ знаменитый кондитер, со всеми филиалами, похоже, продал свою розничную торговлю. Первокласный художественный магазин и издательство «Кнебель и Гроссман»³¹ вынуждены были взять государственный заём, чтобы возобновить работу и снабжать школы, но самые ценные негативы, клише и оригиналы погибли, и фирме понадобится много времени, чтобы восполнить утраченное.

Открылось множество новых кафе и увеселительных заведений — явное свидетельство того, что у людей водятся деньги. Богатые беженцы из районов, занятых немцами и австрийцами, похоже, открыли в Москве свои дела и придали городу оттенок варшавского облика: в нём будто поселилась часть избыточной варшавской живости. Можно заметить такие новые названия, как кафе «Пикадилли»³² напротив магазина Филиппова.³³

Впрочем, за этой уличной весёлостью в глубине таится немало печали и тревоги. Как в Англии и Франции, у каждой семьи есть свой личный счёт в этой войне, и для многих этот счёт обернулся деревянным крестом над могилой. Тем не менее по улицам по-прежнему маршируют молодые, великолепные полки, и, глядя на них в новой форме, на мгновение можно подумать, будто всё только начинается, Россия лишь вступает в войну и ещё никто не погиб.

По-прежнему чувствуется воодушевление, а вместе с ним — та самая славянская терпеливость, которая не требует, чтобы всё делалось быстро. Во многих отношениях затяжная война соответствует русскому темпераменту. Самая характерная черта России — это ожидание: часами ждать билета в кассе, часами дожидаться чиновников, ждать своих денег в банке, стоять в очереди, чтобы купить билет на спектакль на следующей неделе, а если поёт Шаляпин — так и целыми днями. И теперь люди ждут с привычной бодростью и терпением.

Конечно, у тех, кто живёт в тени, хватает тягот. У них предостаточно поводов для ворчания и жалоб. В разговорах только и слышно, что о страшной «дороговизне». Красивое слово «дороговизна» означает рост цен, и в нынешнем военном сезоне оно — самое употребляемое в

²⁹ Беспорядки — антигерманские погромы в Москве 23–26 мая (по старому стилю) 1915 года. Толпа разгромила сотни магазинов и предприятий с немецкими названиями; были убиты несколько человек, десятки ранены. Поводом стали слухи о поражениях русской армии и «немецком засилье». Аналогичные погромы прокатились по другим городам империи. В тексте автор относит их к «прошлому году» (1915), однако упоминает также погромы июля 1914 года — первые антинемецкие выступления, произошедшие сразу после объявления войны.

³⁰ Эйнем — товарищество паровой фабрики шоколадных конфет и чайных печений «Эйнем», одно из крупнейших кондитерских предприятий Российской империи. Основано в 1851 году немцем Фердинандом Теодором фон Эйнемом; к началу XX века имело 16 фирменных магазинов в Москве и филиалы в Симферополе и Риге. В 1913 году удостоено звания поставщика двора Его Императорского Величества, но в 1915 году лишено его из-за немецкого происхождения владельцев. После революции национализировано, в 1922 году переименовано в «Красный Октябрь».

³¹ «Кнебель и Гроссман» — московское издательство и художественный магазин, торговавший репродукциями, фотографиями, клише и художественными материалами.

³² Кафе «Пикадилли» — кафе в центре Москвы, на углу Тверской, одно из новых заведений, открывшихся в годы войны.

³³ Филиппов — знаменитая булочная и кондитерская на Тверской в Москве, принадлежавшая купцу И. Филиппову. К началу XX века — одна из известнейших пекарен города с сетью филиалов.

лексиконе горожанина. С начала войны цена почти на каждый товар в России удвоилась или утроилась. Можно было бы ожидать, что подорожают именно промышленные товары, но удивительным образом, несмотря на огромное изобилие продовольствия в России и на то, что страна не может вывезти эту массу продуктов, еда в целом стала дороже, чем в Берлине.

В газете «Русское слово» опубликован длинный список сравнительных цен, из которого видно, что из шестнадцати распространённых продуктов питания в десяти случаях рост цен в Москве оказался выше, чем в Германии. Цена на баранину в Берлине выросла на 180%, а в Москве — на 281%; на свинину — на 114% в Берлине и 142% в Москве; на белый хлеб — на 27% в Берлине и 45% в Москве; на сахар — на 27% в Берлине и 57% в Москве и так далее.

Во многих районах сахар полностью исчез, и на витринах магазинов можно увидеть объявления: «Сахара нет вообще». Это означает, что нет даже грязновато-коричневого мягкого сахара, который пришёл на смену рафинаду. В Архангельске установлена фиксированная норма — 1 фунт сахара на человека в месяц, и получить его могут только постоянные жители. Мне, как приезжему, посчастливилось купить двадцать четыре кусочка по полпенни за штуку. На вокзалах во многих буфетах к чаю подают леденцы или малиновые леденцы, а к кофе — карамель в обёртке. Там, где сахар всё-таки есть, официанты имеют дерзость сами класть его вам, опасаясь, что посетитель утаит то, что ему не нужно.

Теперь карточки на сахар введены почти повсеместно, даже в деревнях. Наличие карточки даёт право приобрести указанный в ней товар. Поначалу, получив продовольственную карточку, сердце радуется. Но одно дело — иметь карточку, и совсем другое — найти бакалейную лавку, где есть что продать. Если мы введём карточки в Англии, мы, вероятно, столкнёмся с той же аномалией, хотя у нас, безусловно, больше таланта к организации, чем у русских. Чтобы карточная система на деле работала, нужна исключительная тщательность в управлении, а также высокая социальная сознательность со стороны каждого отдельного человека.

Когда в одной деревне раздали голубые продовольственные карточки, пошёл слух, будто в Россию пришёл Антихрист и раздаёт эти бумажки. Говорят, один житель иностранного происхождения скупил у крестьян все карточки по низкой цене, и теперь крестьяне спокойно покупают у него продукты — когда у него они есть.

Мясо настолько подорожало, что по всей России введены четыре постных дня: по вторникам, средам, четвергам и пятницам приходится обходиться овощами, рыбой или птицей. В эти дни нельзя продавать мясо и забивать скот. Нельзя продавать его ни в копчёном виде, ни в виде колбас. Когда эту меру ввели, мясники горестно взвыли, а коровы и телята, пожалуй, обрадовались. Зато пострадали куры. Но спросите русского — и он скажет, что страдают все. Цены на овощи выросли, цена на мясо в те дни, когда его можно купить, тоже выросла, подорожали рыба и птица. Однажды в гостинице «Националь»³⁴ в Москве я заметил цветную капусту по поразительной цене — 3 рубля 50 копеек, примерно пять шиллингов.

Из множества районов России в Петроград направлены петиции с просьбой отменить правила о постных днях. Но вряд ли эти правила отменят. В ресторанах подают такие крошечные порции, что даже за большие деньги трудно наесться. А супы, приготовленные без мяса, стоят столько же, сколько раньше, когда мясо ещё разрешалось.

Похоже, если в Британии решат ввести постные дни, их придётся делать не одним днём в неделю: ведь всегда можно купить мясо на два дня вперёд. Скорее всего, их нужно будет вводить на три-четыре дня в неделю, как в России. Но тогда у нас повторятся те же явления, которые я наблюдал здесь: цены на овощи стремительно вырастут из-за ограничения на мясо.

³⁴ Гостиница «Националь» — одна из самых феешенебельных гостиниц Москвы, построена в 1903 году на углу Тверской и Моховой улиц. После революции в 1918 году в здании разместился «Дом союзов», а затем — квартиры советских и партийных работников; в 1931 году преобразована в гостиницу «Интурист».

Сахар исчез, потому что немцы и австрийцы заняли некоторые из самых богатых свёловичных районов России, а также несколько сахарных заводов. Кофе не хватает из-за войны с Турцией; масла и яиц — потому что крестьяне, не имея возможности купить водку, не видят особой нужды в лишних деньгах и не спешат продавать свою продукцию. Спекулянты держат большие запасы продовольствия в ледниках и ждут, пока цены поднимутся ещё выше. Банки тоже держат значительные объёмы сахара. Объяснений много.

В одной московской витрине выставлено объявление: «Мыло поступает ежедневно и продаётся кусками не менее 10 фунтов до 10 часов утра»; в других витринах — надпись: «Мыла нет», — и невольно вспоминается тот бессмысленный стишок:

Шла по улице большая медведица. Как, нет мыла? И потому она вышла замуж за парикмахера,

— в котором некая миссис Гэллоп³⁵ могла бы усмотреть тайную аллюзию на Россию нынешних дней.

Стало трудно купить сапоги. Имевшиеся запасы почти исчерпаны. В витрине одного московского обувного магазина выставлена одна пара сапог — последняя. Подержанные сапоги стали ценностью. В гостиницах появились воры, крадущие обувь, и в номерах теперь можно увидеть новое объявление: «Просим не выставлять сапоги за дверь на ночь».

Мой архангельский друг Биков сколотил огромное состояние на продаже сапог. Недавно я встретил его в Москве: он скупал дорогие произведения искусства и подумывал даже о покупке подлинного Левитана.³⁶ Сапоги настолько дороги, что их не купить. Говорят, обувь из плетёной берёсты или липового лыка, которую в деревне раньше продавали по два пенса за пару, теперь стоит пять шиллингов. Крестьяне сидят на пригородных станциях, плетут лапти и продают их сразу, как только сделают. Ремонт обуви настолько дорог, что горничная потратила месячное жалованье на починку своих сапог. К счастью, городские управы наконец установили в Москве и Петрограде твёрдые расценки — и на сапоги, и на ремонт.

Русские дома отапливаются дровами, и, как ни странно, посреди огромных лесов в стране не хватает дров. Дрова подорожали вдвое, а то и втрое. Беднякам приходится мёрзнуть. Не хватает рабочих рук, чтобы рубить дрова: многих забрали на более выгодные работы. У меня однажды попросили шиллинг за пачку низкосортных конвертов. Бумага очень дорога: некоторые из лучших российских бумажных фабрик оказались в руках врага. Все металлические изделия стоят дорого. Приличный самовар обходится в 50–60 рублей. Говорят, ощущается нехватка лекарств, и запасы в аптеках скудны. При этом, судя по всему, в целом здоровье у русских стало даже лучше.

Говорят, всё будет регулироваться. Правительство собирается взять на себя всё снабжение, и будут карточки на всё: нужно будет прийти к бакалейщику и предъявить свою карточку. Снова очереди и карточки, карточки и очереди. Но наши русские друзья — самые непрактичные люди. Каждый день в Москве можно видеть очереди длиной в целую улицу: люди часами стоят с карточками в руках, дожидаясь фунта сахара. Такие же очереди выстраивались у мясных лавок по утрам в мясные дни, и мясники решили заранее выдавать билеты: на каждом билете — номер, обозначающий очередь на покупку мяса на следующий день. Так, недавно две тысячи человек ждали на Арбате с четырёх часов дня до полуночи, чтобы получить такой билет.

Тут появляется пропагандист вегетарианства, смотрит на их серьёзные лица и спрашивает: «А стоит ли оно того?» Счастливые вегетарианцы!

³⁵ «Миссис Гэллоп» — по-видимому, комический тип человека, склонного искать скрытые смыслы в бессмыслице.

³⁶ Левитан — Исаак Ильич Левитан (1860–1900), русский живописец-пейзажист, мастер «пейзажа настроения». Картины Левитана уже к 1910-м годам ценились весьма высоко и были предметом коллекционирования.

«Но вы же понимаете, если я не получу мяса, у меня испортится пищеварение», — жалобно говорит один русский.

«А что за чай без сахара? — говорит другой. — И что за жизнь без чая?»

Третий приходит к доктору и говорит: «Будьте добры, выпишите что-нибудь. У меня пропал аппетит. Я не могу есть».

А доктор отвечает, совсем как тот приятель Карлейля:³⁷

«Дорогой мой, это не имеет ни малейшего значения».

— «А у армии есть мясо, чай, сахар, белый хлеб?»

— «Да, у армии всего этого вдоволь».

— «Слава Тебе, Господи! Вот и ладно».

³⁷ Карлейль — Томас Карлейль (1795–1881), британский писатель, историк и философ шотландского происхождения. Анекдот, к которому отсылает автор, связан с кругом общения Карлейля: некий приятель философа, придя к врачу с жалобой на потерю аппетита, получил беззаботный ответ.

Глава V. Жизнь в деревне

Из Москвы я отправился навестить друзей художника Переплётчикова³⁸ — семью Е. — в их небольшом имении в Воронежской губернии.³⁹ На маленькой придорожной станции меня встретила непривычная фигура — это был австрийский пленный, венгр, не говоривший ни слова по-русски. Прежний кучер ушёл на войну, и теперь австрийский пленный, в том же мундире, в каком сдался, и в знакомой высокой военной фуражке, выполняет его работу. Он взял мои чемоданы на станции — носильщика не было, — уложил их в экипаж и повёз меня через зелёный лес по ужасной дороге, глубоко утопающей в жидкой грязи и воде. Он довёз бы меня до имения — десять миль.

Примечательная черта новой деревенской жизни в России — это работающие австрийские пленные. Немцев встретишь редко, а австрийцев — великое множество. Они охотнее идут работать, чем сидеть в лагерях для интернированных. Чтобы получить австрийских пленных для работ в имении, нужно обратиться в уездный город; их сдают внаём за восемь рублей в месяц, из которых четыре рубля можно удержать на содержание. Получается, что в целом пленные работают едва ли не за стол и кров да ещё на то, чтобы обычному курильщику хватило на табак. Труд пленных обходится куда дешевле труда обычных русских батраков. Так что если удаётся заполучить на своё имение крепкий отряд пленных, положение владельца заметно улучшается. Правда, охранников к пленным не дают, и хозяин несёт ответственность, если кто-то попытается бежать.

Пленные, занятые на земле, по большей части были земледельцами у себя на родине, в Австрии, и оказываются весьма полезными работниками. Они не относятся к своим новым обязанностям чересчур серьёзно, но всё равно делают больше, чем средний наёмный русский работник. Для них трудиться приятнее, чем сидеть вместе, болтать или петь; их трудолюбие приятно удивляет хозяев.

В имении госпожи Е. работали венгры. Она не знала венгерского, они — русского, а грамматик и словарей венгерского языка не достать ни в Москве, ни в Петрограде. Единственной помощью в изучении языка, которую смогла раздобыть госпожа Е., оказался военный путеводитель офицера — с картами, географическими сведениями и пятью-шестью страницами военных фраз с переводами. И всё же взаимопонимание быстро налаживалось. Эти венгры увезут к себе на родину множество забавно звучащих русских слов, а с другой стороны, какие-то венгерские выражения, возможно, приживутся на месте.

Несомненно, пленные оказывают России большую экономическую помощь. Каждый взятый в плен австриец — это не только на одного врага меньше в рядах противника, но и ещё один жнец, убирающий драгоценное зерно. Русских женщин, стариков и детей, похоже, недостаточно, чтобы поддерживать прежний объём посевов и убирать урожай: труд пленных восполняет этот недостаток.

Во многих отношениях присутствие этого чужеземного элемента в самой гуще русской деревенской жизни кажется русским весьма нежелательным. Говорят, случалось немало бра-

³⁸ Переплётчиков, Василий Васильевич (1863–1918) — русский живописец-пейзажист, график и литератор. Ученик И. И. Шишкина и В. Д. Поленова, член-учредитель Союза русских художников. Один из первых русских импрессионистов; особое внимание уделял пейзажам Русского Севера, куда ежегодно ездил на этюды с 1902 года. Стивен Грэм познакомился с Переплётчиковым во время путешествий по Архангельской губернии и описал его в книге «Неизведанная Россия» (1912). Художник скончался в Москве осенью 1918 года от простудного заболевания.

³⁹ Воронежская губерния — административная единица Российской империи в чернозёмной полосе Центральной России. В годы Первой мировой войны только из Воронежской губернии было призвано около 380 тысяч человек, в основном крестьян. Нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве восполнялась трудом военнопленных и беженцев.

ков, хотя разница в вероисповедании в большинстве случаев, вероятно, исключала возможность законного брака, даже если он и был желателен.

Над деревней словно нависла туча: нельзя сказать, что война популярна среди женщин. Они хотят, чтобы мужчины вернулись: жёны ждут — мужей, девушки — своих возлюбленных. Шестнадцати-, семнадцати-, восемнадцати- и девятнадцатилетние девушки неизменно угрюмы. Они чувствуют, что время уходит, а нужный жених всё не появляется. Им давно пора быть просватанными и повенчанными. К девятнадцати годам незамужняя девушка считает себя уже старой девой и не склонна называть свой возраст. Хорошенькая Таня, горничная, в этом году выглядит не такой хорошенькой: она не может отделаться от мысли, что ей уже восемнадцать. Она знает: когда парни вернутся, они и смотреть не станут на такую «старую» девушку, и она останется одна.

В праздничные вечера на деревенской улице всё так же поют, демонстрируют деревенскую моду, но во всём этом теперь какой-то бессмысленный оттенок: нет мужских партнёров, нельзя устраивать свадьбы. Письма, конечно, ходят между армией и деревней, но солдат не пишет «своей возлюбленной», а если и пишет, то потому, что его возлюбленная — это его жена. Долгие помолвки не в ходу в деревне. Станные письма шлют солдаты: полные приветствий соседям и родственникам и почти ничего не говорящие о войне. Их и цензурировать не нужно. Жёны крестьян приносят свои письма госпоже Е., и она читает их вслух. Или приходят к ней, когда хотят написать письмо: хотя большинство мужчин умеют читать и писать, женщины редко владеют грамотой.

Моя хозяйка была удивительно добра к крестьянам. Она учила их, лечила, заботилась о них и понимает их душу. Она сидит с пером и бумагой на солнечной веранде большого светлого дома и записывает под диктовку, пока крестьянка, свесив руки, толкует про корову, про дыру в крыше, которую надо починить, про состояние посевов, про здоровье маленького Вилли, про то, сколько работы делают эти австрийские пленные, и так далее. Она записывает буквально то, что говорит баба, словно выполняет упражнение по фонетике, и никогда не исправляет ни слова, ни неудачного выражения, ни грамматической ошибки. В результате солдаты на том конце поистине слышат голоса своих жён и очень это ценят. Лучше всех получают письма, которые госпожа Е. пишет для жён.

Впрочем, письма — лишь суррогат живого разговора с близкими, и в деревне бывает великий праздник, когда солдат действительно возвращается: раненый, отправленный в тыл по инвалидности, или с каким-нибудь поручением. Увы, русским солдатам, пока они здоровы, дают очень мало отпусков. Часто бывает, что с момента мобилизации до самого дня мира родные ничего не знают о рядовом солдате — особенно если он не умеет писать. Списки потерь среди рядовых не публикуют, и деревне приходится терпеливо ждать, чтобы узнать, кого она потеряла и кто остался жив. Больше внимания уделяют офицерам, даже прапорщикам.⁴⁰ Я встретил здесь, в Воронежской губернии, рядового, которого прислали с фронта, чтобы он передал родным награды и последние известия о погибшем молодом прапорщике, который вёл своих людей. Этого офицера очень любили солдаты: когда он упал, они бросились к нему, и казалось, будто он просто спит. Но одна пуля прошла у него через рот, а две — через череп. Посмертно ему дали Георгиевский крест,⁴¹ и одного солдата отрядили, чтобы тот доставил

⁴⁰ Прапорщик — младший офицерский чин в русской армии (с 1873 года — в мирное время только в запасе; с началом войны 1914 года прапорщики стали массово выпускаться из школ прапорщиков — ускоренных офицерских курсов).

⁴¹ Георгиевский крест — солдатская военная награда Российской империи за доблесть в бою, учреждена в 1807 году, с 1856 года — четырёх степеней (1-я и 2-я — золотые, 3-я и 4-я — серебряные). Награждение производилось последовательно от младшей (4-й) степени к старшей. В годы Первой мировой войны было вручено более 1 миллиона крестов 4-й степени. В тексте речь идёт о посмертном награждении офицера; следует отметить, что Георгиевский крест предназначался для нижних чинов, однако в военное время существовала практика награждения им офицеров «с лавровой ветвью» на ленте.

домой последние почести и рассказал о его смерти. Попутно солдат принёс в деревню свой рассказ о войне.

Лето в деревне выдалось дождливым. Во многих местах священники молились о том, чтобы дождь прекратился. Сено гнило там, где его скосили, его не удавалось убрать, но пшеница и рожь уродились повсюду хорошо. Урожай фруктов тоже оказался хорошим. Кто-то получил изрядный доход на яблоках: обычная цена в Москве была три-четыре пенса за штуку. Несмотря на нехватку сахара, в деревне варили варенье даже больше обычного. Люди считали, что это хороший способ сберечь сахар на зиму — перевести его в варенье. Русское варенье гораздо слаще нашего и часто кладётся в чай как сироп. Его никогда не намазывают на хлеб с маслом. Госпожа Е. раздобыла несколько мешков мягкого сахара — всего около ста пятидесяти килограммов — и половину из них пустила на варенье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.